

ДОМ ЯКОБЯНА

АЛЯ АЛЬ-АСУАНИ

Арабская проза и поэзия, очень интенсивно развивавшиеся в последние десятилетия, в настоящее время стали неотъемлемой частью мировой литературы. Одно из блистательных имен - египетский писатель Аля аль-Асуани (см.: В.Н.Кирпиченко. Мировой бестселлер Аля аль-Асуани на русском языке! // Азия и Африка сегодня, 2009, № 6, с. 78-79). Его роман «Дом Якобьяна» выдержал шесть переизданий у себя на родине, был экранизирован и к началу этого года переведен на 34 языка мира.

В романе о современной жизни Египта несколько сюжетных линий, или трагических историй. Притом, что каждая история по-своему показательна, главный смысловой акцент заключен в судьбах молодых героев, Тахи и Бусейны. Их пути расходятся: Бусейна убеждается, что единственный способ для красивой девушки обеспечить свое будущее - это подороже продать себя, а Таха, не принятый в полицейскую академию из-за своего «низкого» социального статуса, движимый желанием отомстить за пережитое им унижение, шаг за шагом втягивается в деятельность мусульманской экстремистской организации и становится террористом.

Редакция предлагает вниманию читателей отрывки из этого романа (в сокращении), которые будут опубликованы в трех номерах журнала.

Редакция выражает благодарность Центру гуманитарного сотрудничества и, в частности, Моне Халиль, любезно предоставившим нам право на эту публикацию.

Воскресенье: лавки на улице Сулейман-паши закрываются, бары и кинотеатры заполняются посетителями, и пустая темная улица с закрытыми магазинами и зданиями, построенными в староевропейском стиле, превращается в декорации печально-романтического западного фильма. На рассвете старик-привратник аль-Шазли берет у лифта свой стул и ставит его на тротуар у входа в дом Якобьяна, чтобы в выходной следить, кто входит и выходит из дома...

В 1934 году миллионер Хагоб Якобьян, в то время глава армянской диаспоры в Египте, решил возвести жилой дом и дать ему свое имя. Он выбрал для него хорошее место на улице Сулейман-паши, заключил договор о строительстве с конторой известного итальянского архитектора, который разработал прекрасный проект: десять высоких этажей в роскошном классическом европейском стиле - балконы, украшенные высеченными из камня греческими

скульптурами, колонны, ступеньки, галереи - все из натурального мрамора и самый современный лифт фирмы «Schindler». Строительство шло два года, и возник архитектурный шедевр, который настолько превзошел все ожидания, что его владелец попросил инженера-итальянца высечь латиницей с внутренней стороны двери - «Якобьян». Ночью буквы ярко горели неоновым светом. Таким образом, он увековечил свое имя и подтвердил право собственности на это удивительное здание. В доме Якобьяна поселились сливки общества того времени: министры, паши, крупные землевладельцы, иностранные промышленники и два еврейских миллионера (один из них - потомок известного рода Мосери). Цокольный этаж здания был разделен на гаражи, в которые с заднего двора вело несколько входов, жильцы оставляли в них свои машины (по большей части роскошные - роллс-ройсы, быюики, шевроле). С фасада же располагался большой магазин в три витрины,

где Якобьян разместил выставку-продажу серебряных изделий, производившихся на его собственных фабриках. Сорок лет она пользовалась успехом, затем дела стали идти все хуже и хуже, пока это место не купил под магазин одежды хаджи* Мухаммед Аззам.

На просторной крыше здания две комнаты с удобствами были отведены привратнику и его семье. С другой стороны по числу квартир было достроено пятьдесят крохотных комнаток, каждая площадью не более двух метров. Их стены и двери были сделаны из прочного железа и закрывались на замки, а ключи от них вручили владельцам квартир. Сначала эти железные камеры использовались в хозяйственных целях - для хранения запасов, под конуру для собаки (если та была большая или злая), для стирки одежды, которой в то время за-

* *Хаджи* - исламский титул, присваиваемый человеку, совершившему паломничество в Мекку. Титул Х. присоединяется к имени и свидетельствует об уважении к его носителю.

нимались прачки (стиральные машины-автоматы были редкостью). В этих комнатухах они стирали белье и развешивали его на длинных веревках, натянутых по всей крыше. Но слуги в железных комнатах не ночевали. Наверное, жившие в то время в доме аристократы и представить себе не могли, что человек может спать в такой тесной комнатенке, в то время как они нежатся в своих роскошных просторных квартирах (где было порой по восемь-десять комнат, соединенных внутренней лестницей). Они выделяли прислуге одну из комнат... В 1952 году произошла революция, и все изменилось. Началась эмиграция евреев и иностранцев из Египта. Каждую из брошенных владельцами квартир захватывал офицер вооруженных сил, контролировавший ситуацию в то время. Пришли шестидесятые, и уже в половине квартир дома поселились разночинные военные - от младших лейтенантов и капитанов-молодоженов до бригадных генералов, въезжавших в здание с огромными семьями... Жены офицеров начали использовать железные комнаты в других целях. Сперва они стали местом ночлега официантов, поваров и мелкой прислуги, которую нанимали в деревнях обслуживать офицерские семьи. Некоторые офицерские жены происходили из простого народа и не брезговали разведением в этих комнатухах домашней птицы - уток, кур - и даже кроликов... Затем, в семидесятые годы, пришло время «политики открытых дверей»*, богачи хлынули из центра в районы аль-Мухандисин и Наср. Некоторые из них продали свои квартиры в доме Якобяна, другие отдали их под офисы или детям, только что получившим диплом, третьи сдали в аренду арабским туристам как меблированные комнаты... Так связь между железными комнатенками и квартирами дома постепенно исчезла, старая при-

слуга за деньги уступала их вновь прибывающим из провинции беднякам, тем, кто работал в центре и нуждался в недорогом жилье поблизости... Люди стали чаще отказываться от этих комнат после смерти старшего по дому - армянина месье Грегора, управляющего собственностью миллионера Якобяна. В декабре каждого года он аккуратно и честно отсылал доходы в Швейцарию, куда эмигрировали наследники Якобяна после революции.

* * *

Ночная тьма отступала, обещая новый день. Из окна привратника аль-Шазли струился слабый свет. В комнате всю ночь не спал от волнения его сын Таха. Совершив утреннюю молитву и два дополнительных коленопреклонения по сунне**, Таха присел в белой галабее на кровать и начал читать Книгу обращений к Аллаху с мольбами. Его слабый шепот нарушал тишину комнаты: «О Аллах, поистине, я прошу Тебя о благе этого дня и прибегаю к Тебе от зла его, зла того, что он в себе несёт. О Аллах, следи за мной своим всевидящим оком и помилуй меня могуществом своим. Не пропаду я, Ты моя надежда. Ты, о Обладатель величия и Почитаемый! К тебе обращаю свое лицо, обратись ко мне твоим благородным ликом, даруй мне щедро свое доброе прощение и будь доволен мной своей милостью».

Таха повторял свои мольбы до тех пор, пока утренний луч не проник в помещение и в железных комнатухах не закипела жизнь: голоса, крики, смешки, покашливания, скрип открывающихся и закрывающихся дверей, кипение чайника, запахи чая, кофе, угля и табака... Для жителей крыши это было началом обычного дня, а Таха аль-Шазли думал о том, что сегодня раз и навсегда решится его судьба. Все-го через несколько часов он должен был пройти комиссию в поли-

цейской школе. Последнее препятствие на пути долгой надежды. С детства он мечтал стать офицером полиции и прилагал неимоверные усилия, чтобы осуществить свою мечту... Он учил все наизусть в средней школе и получил 89 баллов по гуманитарным предметам, не пользуясь услугами репетиторов (не считая нескольких консультаций, с трудом оплаченных отцом).

В летние каникулы Таха записался в молодежный центр в Абдине и (за десять фунтов в месяц) вкладывался на занятиях физкультурой, чтобы добиться хорошей спортивной формы, - это упростило бы его поступление в полицейскую школу. Таха подружился с офицерами районной полиции, кроме тех, кто служил в отделении Каср ан-Нил на пункте Кутсика. От них он узнал все тонкости вступительных экзаменов в полицейскую школу, а еще то, что богатые дают взятку в двадцать тысяч фунтов за зачисление своих детей... (Как он хотел бы иметь столько денег!) Ради осуществления своей мечты Таха аль-Шазли, помимо всего прочего, терпел заносчиво-подлое обращение обитателей крыши. С детского возраста он помогал отцу прислуживать. А когда проявились его способности, соседи по крыше восприняли это по-разному: одни поощряли его зубрежку и вовсю предсказывали ему блестящее будущее, других, и их было большинство, раздражала сама мысль о «преуспевающем сыне привратника», и они пытались убедить отца отдать мальчика после школы учиться ремеслу... «Получив профессию, он поможет и тебе, и себе» - так они, сочувствуя, советовали престарелому дядюшке аль-Шазли.

А когда Таха перешел в старшие классы и стал одним из лучших учеников, они, зная, что ему сдавать экзамен, поручали непосильную работу, занимающую много времени, часто для соблазна давали карманные деньги и таили злую мысль помешать его образованию. Таха брал столько работы, сколько денег ему требовалось, и самоотверженно продолжал заниматься, порой даже проводя бессонные ночи. Когда

* «Политика открытых дверей» - объявленный в 1972 г. президентом А. Садатом политический курс, предполагавший полную переориентацию Египта на западные страны.

** Сунна (пример, обычай - араб.) - предания о Пророке Мухаммеде, его поступках и изречениях, являющиеся примером и руководством для каждого мусльманина.

стали известны результаты экзаменов, оказалось, что он набрал гораздо больше баллов, чем многие другие ребята в их доме. И тогда соседи стали выражать недовольство открыто. Встречаясь у лифта, один язвительно спрашивал другого, поздравил ли тот привратника с успехами его сына, затем, смеясь, добавлял, что сын привратника скоро поступит в полицейскую школу и окончит ее с двумя звездочками на погонах. Второй заявлял, что ему неприятна эта тема, но, похвалив нравственность и усердие Тахи, все же с серьезностью отмечал (имея в виду принцип, а не конкретного человека), что к должности в полиции, суде - ко всем ответственным должностям - нельзя допускать детей сторожей и прачек. Мол, придя к власти, они воспользуются ей, чтобы получить то, чего были лишены, и избавиться от своих детских комплексов. Разговор заканчивался проклятиями в адрес Насера*, который сделал образование бесплатным, и упоминанием хадиса Пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует: Не обучайте детей недостойных!

Узнав об итогах экзаменов, соседи стали задирать Таху. Они отчитывали его по малейшему поводу: он вымыл машину, но забыл положить коврик на место, опоздал на несколько минут, вернувшись издалека, купил на рынке десять предметов по списку, но забыл одиннадцатый. Они нарочно хотели унижить его при всех, заставить его отвечать на оскорбления, но этому «азнайка» все было нипочем. Они ждали звездного часа, когда смогут высказать ему всю правду: здесь он простой привратник - не больше и не меньше, и если ему не нравится его работа, пусть отдаст ее тому, кому она нужна... Однако Таха не давал им даже шанса. Он встречал их нападками молча, опустив голову и кротко улыбаясь. В этот момент на его красивом смуглом лице было на-

писано, что его обвиняют напрасно, что он вполне может ответить обидчику, но не делает этого из уважения к старшим...

Это была только одна из масок, одна из форм защиты, к которым прибегал Таха, чтобы одновременно сохранить самообладание и избежать проблем. Сначала он вел себя наигранно, но вскоре такое поведение стало для него естественным. Например, он старался не сидеть на скамейке привратника, чтобы не вставать перед каждым жильцом в знак почтения. А уж если садился на лавку, то, замечая приближающегося жильца, делал вид, что чем-то занят и не может встать. Он привык разговаривать с жильцами уважительно сухо, как чиновник со своим начальником, а не как слуга с господином. Что касается его ровесников из их дома, то с ними он вел себя как равный: дурачился как с лучшими друзьями, обращался к ним запросто, одалживал учебники, и не потому, что ему были нужны книги, а чтобы напомнить им, что он, хоть и привратник, все же учится вместе с ними...

Такой была его жизнь: бедность, изнурительный труд, грубость жильцов, вечно свернутая пятифунтовая купюра, которую отец давал ему по субботам и которую он тысячами разных способов исхитрялся растягивать на всю неделю. Изнеженная рука кого-то из жильцов лениво протягивает из окна автомобиля чаевые. В ответ на это он обязательно должен поднять руку, громко и от всего сердца поприветствовать и поблагодарить своего благодетеля. Тот то ли нахально-злорадный, то ли таящий снисхождение взгляд, который он, смущаясь, замечал в глазах одноклассников, зашедших к нему в гости и обнаруживших, что друг живет на крыше в «комнате привратника»...

Гости задавали ему этот противный, ставящий в тупик вопрос: «Ты что, привратник?!» Его тяготило, что жильцы, входя в здание, ожидали, что он поспешит принять их ношу, в том числе и мелкую... Так в унижениях проходил день, а когда поздно ночью он ложился в

постель, совершив омовение перед вечерней молитвой, молитвами Аль-Шафаа и Аль-Витр, он долго лежал в темноте с широко открытыми глазами, потом потихоньку погружался в мечты, где видел себя уже офицером полиции, горделиво вышагивающим в красивом мундире. На плечах блестят медные звездочки, с пояса свешивается табельное оружие, вселяющее страх. Он представлял, что уже женился на своей любимой Бусейне и они переехали в приличную квартиру в престижном районе подальше от шума и грязи крыши. Он твердо верил в то, что Аллах осуществит все его мечты, во-первых, потому что он пребывал в страхе божьем, исполнял все предписания, остерегался совершить грех, ибо Аллах сказал почитающим его рабам в священном аяте: «Если бы жители селений уверовали и стали богобоязненны, Мы раскрыли бы перед ними благодать с неба и земли», во-вторых, потому что он вверил себя Аллаху, о всемогуществе которого сказано в священном хадисе: «Как раб божий думает, так и получает: на добро - добро, на зло - зло». Всевышний благоволил к нему и помогал в старших классах, и, слава Аллаху, он успешно сдал экзамены в полицейскую школу. Теперь ему оставалось только пройти комиссию. Сегодня, с божьего соизволения, он преодолееет и это.

Таха проснулся, совершил два утренних коленопреклонения и еще два на удачу, вымылся, побрился и стал одеваться. К комиссии он заранее купил новый костюм серого цвета, ослепительно-белую рубашку и симпатичный голубой галстук. Когда он в последний раз бросил взгляд на свое отражение в зеркале, то показался себе элегантным. Он поцеловал мать на прощание, та положила ему руку на голову, пробормотала заклинание, а затем принялась так горячо за него молиться, что у юноши бешено забилося сердце. Выходя из дома, он увидел отца, сидящего на скамейке, скрестив ноги. Старик медленно поднялся, посмотрел на сына, положил руку

* Гамаль Абдель Насер (1918-1970) - президент Египта. Обнародовал программу политического, экономического и социального развития в соответствии с принципами «арабского социализма».

ему на плечо и улыбнулся. Его седые усы задрожали, обнажив беззубый рот. «Заранее поздравляю, господин офицер...», - произнес отец с гордостью.

Шел уже одиннадцатый час, и улица Сулейман-паши гудела от машин и народа. Большинство магазинов уже распахнуло свои двери, а Таха думал о том, что у него еще целый час до экзамена. Боясь испортить костюм в общественном транспорте, он решил взять такси. Оставшееся время Таха надеялся провести с Бусейной. Между ними была договоренность: он проходит мимо магазина одежды «Шанан», где она работает, а она, заметив его, отпрашивается у своего хозяина господина Таяля под предлогом принести что-либо со склада, а потом догоняет его в их любимом месте около нового парка на площади ат-Тауфикия. Таха сделал все, как условились, и вот уже четверть часа ждал Бусейну. С ее появлением его сердце забилося... Ему нравилась ее походка, то, как она медленно шла маленькими шажками, опустив взгляд. Казалось, она чего-то стесняется или в чем-то раскаивается, ступает осторожно, будто по хрупкой поверхности... Таха заметил, что Бусейна надела обтягивающее красное платье, облегающее фигуру, а из глубокого выреза виднеется ее пышная грудь. Он рассердился, вспомнив, что уже ссорился с ней из-за этого платья. Однако сдержал гнев, чтобы не портить важное событие. Она улыбнулась и обнажила ровный ряд ослепительно-белых зубов, на щеках нарисовались красивые ямочки, губы были накрашены темной помадой. Она села рядом с ним на выступ мраморной стены сада, повернулась в его сторону и удивленно посмотрела на него большими карими глазами: Какая элегантность! Он ответил ей горячим шепотом:

- Я иду на экзамен и хотел увидеть тебя.

- Да поможет тебе Аллах.

Она сказала это, явно соперяживая, и он осмелел. В эту минуту ему хотелось прижать ее к своей груди.

- Боишься?

- Я уповаю на Всевышнего. Все, что Он делает, я принимаю с благодарностью. Да будет так, - произнес Таха быстро, как будто ответ у него уже был готов, как будто он убеждал сам себя. Он помолчал, затем добавил, с нежностью заглянув ей в глаза:

- Молись за меня...

- Да поможет тебе Аллах, Таха! - громко сказала она, но потом опомнилась и смутилась, что дала волю чувствам:

- Мне надо идти, господин Таяль меня ждет.

Она засобиравалась. Он пробовал задержать ее, но Бусейна уже протянула руку на прощанье. Избегая смотреть ему в глаза, она сухо сказала: «Желаю удачи. Да поможет тебе Аллах». Позже, сидя в такси, Таха думал о том, что Бусейна стала относиться к нему по-другому, и этого нельзя было не заметить. Он знает ее очень хорошо, и ему достаточно одного взгляда, чтобы понять, что творится у нее внутри. Он выучил наизусть все ее настроение: как ее лицо светится от счастья, как она грустит, как улыбается, смущаясь, а когда злится, краснеет и ее глаза сверкают от злости, выражение лица становится хмурым (но она все равно остается красивой)... Он любил смотреть на нее, когда она только что проснулась и лицо ее после сна было похоже на личико кроткого, послушного ребенка... Он любил и всегда хранил в памяти образ маленькой девочки, за которой он гонялся по крыше. Запах мыла от ее волос возбуждал его, и ему хотелось ее обнять. Он помнил ее ученицей торгового колледжа в белой рубашке и синей юбке, в белых школьных носках и черных ботинках. Она шла, прижимая портфель так, будто прятала за ним свою созревшую грудь. Какие воспоминания!

Однажды они гуляли по мостам, а потом в зоопарке. В тот день они признались друг другу в любви, договорились пожениться. Она привязалась к нему и расспрашивала о подробностях его жизни так, как будто была маленькой женошкой, принимающей участие в его делах.

Они продумали все детали - сколько детей она родит ему, как они их назовут, как обставят квартиру, в которой будут жить после свадьбы. Но вдруг Бусейна изменилась. Он больше не интересовал ее, а об «их плане» она говорила безразлично или с издевкой. Она часто ссорилась с ним и под разными предлогами убегала со свиданий. Это началось сразу после смерти ее отца... Почему она изменилась?! Была ли их любовь только ребячеством, из которого они со временем выросли, или она полюбила другого? Эта мысль терзала, резала его сердце как ножом. Он представлял, как сириец Таяль (хозяин магазина, в котором она работала) в костюме жениха берет ее под руку выше локтя... На сердце у Тахи было тяжело. Он очнулся, когда такси остановилось перед зданием полицейской школы, показавшейся ему в ту секунду страшной средневековой крепостью, где решится его судьба. Таху охватил ужас, и он стал читать аят «Трон», приближаясь к дверям...

* * *

Прикованный к экрану, ты с волнением смотришь фильм. В конце зажигается свет, и ты возвращаешься к реальности, выходишь из кинотеатра - и тебя обдает холодным ветром с улицы, где много машин и прохожих. Все приобретает привычные формы, и ты понимаешь, что видел на экране просто кино... Игру в квадрате... Так и Тахаль-Шазли возвращался в мыслях к событиям того дня. Он видел здание школы, длинный коридор, застеленный шикарной красной дорожкой, просторный прямоугольный кабинет с высоким потолком, большим письменным столом, таким высоким, что он выглядел как кафедра в зале суда, низким кожаным стулом, на который он сел, и тремя генералами, с крупными, но рыхлыми телами, в белых мундирах с блестящими медью пуговицами и знаками отличия на груди и плечах. Главный генерал, встретивший его наигранной дежурной улыбкой, дал указание члену комиссии слева от него, и тот, опер-

шись локтями о стол, кивнул лысой головой и начал задавать вопросы, в то время как остальные разглядывали Таху, словно взвешивая каждое сказанное им слово, и следили за выражением его лица... Заданные вопросы не были для него неожиданными. Друзья-офицеры рассказали ему, что вопросы на комиссии всегда повторяются и не являются тайной, что экзамен - пустая формальность, нужная для того, чтобы, согласно указаниям органов безопасности, не пропустить радикальные элементы или подтвердить зачисление счастливицов со связями. Таха наизусть помнил все вопросы и образцовые ответы на них, поэтому отвечал уверенно и смело... Он сообщил, что набрал высокий балл, позволяющий ему поступать на престижный факультет, но выбрал полицейскую школу, потому что хочет стать офицером полиции и служить своей родине. Он отметил, что полиция должна не только обеспечивать безопасность, как думают многие, но и играть социальную и гуманитарную роль. Таха подкрепил свою мысль примерами, рассказал о превентивной безопасности, дал ее определение, перечислил средства. Нескрываемое удовлетворение выразилось на лицах экзаменаторов, даже генерал при ответе Тахи дважды кивнул головой. Он впервые вмешался в разговор и спросил Таху, как он поступит, если пойдет арестовывать преступника, а тот окажется другом детства? Таха ожидал этого вопроса, у него был заготовлен ответ, однако, чтобы произвести на экзаменаторов впечатление, он принял задумчивый вид и произнес:

- Уважаемый господин! Перед лицом долга нет друзей или родственников. Полицейский, как солдат на поле битвы, должен исполнить свой долг, несмотря ни на какие другие соображения... Во имя Аллаха и Родины...

Главный генерал улыбнулся и закивал головой в знак явного одобрения. Воцарилась тишина, которая обычно наступает перед заключительным словом. Таха ждал, что его попросят выйти, но генерал

вдруг уставился в документы, как будто что-то там обнаружил. Он даже приподнял бумагу, чтобы убедиться в правильности прочитанного. А потом спросил Таху, отводя взгляд:

- Твой отец кто по профессии, Таха?!

- Служащий, уважаемый...

Именно так Таха записал в бланке поступления, заплатив сто фунтов шейху квартала за удостоверяющую информацию подпись.

Генерал снова просмотрел документы и переспросил:

- Служащий... или привратник?

Минуту помолчав, Таха произнес слабым голосом:

- Мой отец - сторож, господин.

Генерал улыбнулся, казалось, в замешательстве, наклонился над бумагами, что-то тщательно вывел и с той же улыбкой сказал:

- Спасибо, сынок, свободен...

* * *

- «Быть может, вам неприятно то, что является благом для вас», - вздохнув, сказала мать.

- Офицер полиции? Да их пруд пруди... Что хорошего в том, чтобы носить мундир и получать крохи... - воскликнула Бусейна.

Таха весь день шатался по улицам, пока окончательно не устал. Он вернулся на крышу и сел на тахту, опустив голову. Костюм, что был на нем с утра, сейчас потерял весь свой блеск и висел как дешевка. Мать попыталась его успокоить:

- Ты все усложняешь, сынок... Перед тобой открыты двери других факультетов, зачем обязательно в полицию?

Не поднимая головы, Таха продолжал молчать. Дело было не в словах матери. Как только она вышла на кухню и оставила его наедине с Бусейной, девушка пересела к нему поближе на тахту и прошептала ласково:

- Во имя Пророка, Таха, не ругай себя...

Слова Бусейны задели его, и он выкрикнул с горечью:

- Я злюсь, потому что не могу успокоиться... Если бы они сразу внесли в условия определенную профессию родителей, я бы хоть

знал об этом... Они говорят, будто детям привратников нельзя... И еще многое несправедливо... Я спрашивал у адвоката. Он сказал, если подам на них иск, выиграю дело...

- Не надо никакого иска. Хочешь знать мое мнение? С твоими баллами ты поступишь на самый лучший факультет в университете, окончишь его с отличием и поедешь в любую арабскую страну. Уедешь с двумя копейками в кармане, а вернувшись, будешь жить как король.

Таха посмотрел на нее в упор и опять повесил голову.

- Хватит, Таха... - добавила она. - Я, хоть и моложе тебя, пошла работать, и это мне помогло многое понять. Эта страна не для нас, Таха, а для тех, у кого есть деньги. Если бы у тебя было двадцать тысяч фунтов, чтобы заплатить им взятку, они бы даже не спросили, чем занимается твой отец!.. За деньги, Таха, можно все, но если ты бедняк, то тебя раздавят и еще вытрут ноги...

- Я не смогу молчать... Я должен подать жалобу.

Бусейна горестно засмеялась:

- Кому и на кого ты будешь жаловаться?! Послушай, что я скажу, брось думать, что ты неудачник... Ты получишь диплом, уедешь и вернешься, только когда разбогатеешь. А если и не вернешься, еще лучше.

- Ты думаешь, мне нужно уехать в другую страну?

- Конечно.

- А ты поедешь со мной? Вопрос был для нее неожиданным, и она промямлила, отводя взгляд:

- Даст Бог.

- Я смотрю, ты стала по-другому относиться ко мне, Бусейна... - проронил Таха.

Бусейна почувствовала, что на горизонте - новая ссора, и сказала, вставая:

- Сейчас ты устал... Иди поспи, утром поговорим.

Она ушла, а он не мог заснуть. Он все думал, и сотню раз перед ним проплывало лицо генерала, возглавлявшего комиссию, который медленно, как будто находя

удовольствие в его унижении, спрашивал: «Твой отец привратник, сынок?..» Привратник... Что за странное слово, раньше оно никогда не приходило ему на ум и... В этом слове заключалась вся его жизнь... Долгие годы он жил под гнетом этого слова, но стоял на смерти... Он пытался избавиться от него, прикладывал все силы, чтобы через полицейскую школу проложить дорогу в достойную жизнь. Но это слово... Привратник. Оно поджидало его в конце тяжелой гонки, чтобы в одно мгновение сломать все... Почему они не проверили его с самого начала? Почему генерал слушал его до конца, восхищаясь ответами на вопросы, а потом нанес ему последний удар: «Встань передо мной, сын привратника... Ты хочешь поступить в полицейскую школу, сын привратника?.. Сын привратника станет офицером?! Боже ты мой!»

Таха заходил по комнате. Он должен был что-то сделать... Он сказал себе, что невозможно терпеть такие унижения и молчать... Но обида не проходила просто так... Постепенно он стал бредить фантастическими сценами мести. Он представлял, как произнесет перед генералами - членами комиссии - впечатляющую речь о равенстве возможностей и прав, о справедливости, завещанной Аллахом и Пророком его, да благословит его Аллах и приветствует. И он будет обличать их, пока от стыда за свой поступок им не захочется провалиться сквозь землю, пока они не извинятся перед ним и не объявят о его зачислении в школу... Он представлял и другую сцену: он держит генерала за воротник и кричит ему в лицо: «А твое какое дело, кем работает мой отец?.. Ах ты, неверный, взятку захотел?» Затем он наносит генералу несколько сильных ударов по лицу, и тот сразу падает на пол, уминаясь кровью... Ему всегда виделась такая сцена, когда он попал в сложные ситуации, с которыми не мог справиться. Однако на этот раз воображения не хватало, и его съедало чувство собственной униженности. Наконец

пришла одна идея. Он сел за стол, достал бумагу и ручку и написал крупными буквами наверху страницы: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного... Жалоба направляется господину Президенту Республики...» На мгновение он остановился и откинул голову. Таха почувствовал удовлетворение от пышности стиля и значительно, затем целиком погрузился в свое письмо...

...Как видите, господин Президент, сын своей страны, Таха Мухаммед аль-Шазли был унижен и ущемлен в правах генералом, председателем приемной комиссии полицейской школы. Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал в священном хадисе:

«Сгинули те до вас, у кого родовитому вору попустительствовали, а над укравшим бедняком чинили расправу... Я клянусь Аллахом, если дочь моя Фатима укредет, я отрублю ей руку».

Правдив Великий Аллах! Господин Президент! Я много трудился, чтобы получить 89 баллов по гуманитарным предметам, и с божьей помощью успешно сдал вступительные экзамены в полицейскую школу... И справедливо ли, господин Президент, вычеркивать меня только из-за того, что мой отец - достойный, но бедный человек, работающий привратником? Разве охрана зданий - подлое дело? Разве не любой честный труд нужно уважать, господин Президент? Прошу Вас, господин Президент, рассмотрите мою жалобу как заботливый отец, который никогда не допустит унижения своих детей... Мое будущее, господин Президент, ожидает Вашего справедливого решения. Я вверяю свою судьбу, с соизволения Всевышнего, в Ваши благородные руки...

Да продлит Аллах Ваши дни на благо мусульман и дела ислама, Ваш верный сын,

Таха Мухаммед аль-Шазли, номер паспорта 19578, выдан Каср ан-Нил

Адрес: Каир, улица Талаат Харб, здание Якобяна, 43.

* * *

Гражданину Тахе Мухаммеду аль-Шазли, номер паспорта 19578, выдан Каср ан-Нил

Адрес: Каир, улица Талаат Харб, здание Якобяна, 43.

Господин аль-Шазли. В ответ на представленную Вами в администрацию Президента Республики жалобу по поводу Вашего отстранения от вступительных экзаменов в полицейскую школу, сообщаем Вам, что после консультаций по Вашему делу с господином генералом, директором полицейской школы, мы вынуждены признать неправомерность Вашей жалобы...

С пожеланием успеха и заверением в глубоком уважении,

Генерал Хасан Бауа,

Директор отдела гражданских исков Администрации Президента.

* * *

По какой-то причине факультет экономических и политических наук стал ассоциироваться с благополучием и процветанием. Если студентов спрашивали о том, на каком факультете они учатся, они охотно отвечали: «Экономических и политических наук...» Студенты произносили это с гордостью, подчеркивая каждое слово (как будто хотели сказать: да, мы, как видите, в порядке). Никто не знал тайны ореола, окружавшего факультет. Возможно, она заключалась в том, что факультет был образован гораздо позже остальных, и это придавало ему особый статус. Или в том, что, по слухам, правительство организовало его специально для дочери лидера Гамалья Абдель Насера. Или в том, что политологи были тесно и непосредственно связаны с происходящими в мире событиями, а это отражалось на образе их мышления и поведения. И, наконец, может быть, в том, что факультет долгое время считался прямой дорогой в министерство иностранных дел и дети важных чиновников поступали сюда, чтобы сделать первый шаг в дипломатической карьере... Однако Таха аль-Шазли, который наклеил купон напротив графы экономического факультета и обозначил,

таким образом, свой выбор, ни о чем подобном не знал. Его мечта поступить в полицейскую школу испарилась навсегда, и он хотел как можно выгоднее использовать сумму набранных баллов... Вот и все...

В первый учебный день, когда Таха проходил под часами университета и услышал знаменитый бой, он был потрясен их величием. На входе в лекционный зал гул, стоявший от разговоров и смеха сотен студентов, оглушил его, они знакомились и рассказывали друг другу забавные истории. Таха почувствовал, как он ничтожен в этой огромной толпе, похожей на фантастическое тысячеголовое животное, которое изучающе сморит на него всеми своими глазами. Инстинктивно Таха забрался наверх, чтобы сесть в безопасное место на галерке и рассматривать их оттуда, оставаясь при этом невидимым. На нем были светло-голубые джинсы и белая футболка. Выходя из дома, он думал, что выглядит элегантно, но, когда увидел своих сокурсников, понял, что его одежда никуда не годится, а джинсы - лишь жалкая подделка фирменных. Он решил упростить отца купить ему хотя бы один костюм в Мухандисине или на Замалеке, а не в «Ар-Реда уан-Нур», где тот покупает ему дешевую одежду. Про себя Таха решил ни с кем не знакомиться, иначе пришлось бы рассказывать о себе. Может случиться так, что он будет стоять с однокурсниками (а среди них могут быть и девушки), и кто-то спросит его о профессии отца. Что он тогда скажет?... Затем Таха стал опасаться, не окажется ли кто-то из студентов, сидящих в зале, сыном одного из жильцов дома Якобяна, которому он бегал за пачкой сигарет или мыл машину? Вдруг тот обнаружит, что сын привратника учится вместе с ним, что тогда будет?! Таха думал о подобных вещах, а лекции сменялись одна за другой, пока не прозвучал призыв к полуденной молитве. Часть студентов поднялась, и Таха пошел за ними следом в мечеть факультета. Он с удовлетворением отметил, что они такие же бедняки, как и он. Многие казались провинциалами. Это под-

толкнуло его после молитвы спросить одного из студентов:

- Ты с первого курса?

Ему ответили дружелюбной улыбкой:

- С божьей помощью...

- Тебя как зовут?

- Халед Абдель Рахим... Я из Асьюта... А ты?

- Таха аль-Шазли... Я отсюда...

Он был первым, с кем познакомился Таха. И правда, с первого же дня, как масло отделяется от воды, образуя слой на ее поверхности, богатые студенты отмежевались от бедняков. Образовались многочисленные закрытые компании выпускников языковых школ, владельцев личных машин, импортной одежды, иностранных сигарет, которые привлекали самых красивых и разборчивых девушек. А бедняки жались друг к другу, как испуганные мыши, и смущенно перешептывались. Не прошло и месяца, как Таха сдружился со всеми посещающими мечеть, и особенно близко - с Халедом Абдель Рахимом - невысоким юношей, сухим, как тростник, очень смуглым, в дешевых очках в черной оправе, которые добавляли его лицу серьезности и основательности. Своим скромным классическим костюмом он напоминал молодого школьного учителя. Тахе он очень понравился, возможно, потому, что был, как он сам, бедняком или даже еще беднее (об этом говорили его заштопанные носки, которые виднелись во время молитвы). Тахе понравилось и то, что Халед был глубоко религиозен: когда молился, застывал, действительно взывая к Аллаху, и прижимал ладони к сердцу, склоняя голову в абсолютном смирении, чтобы угодить Тому, Кто его видит. Если бы рядом случился пожар или просвистела пуля, это не отвлекло бы его от молитвы ни на секунду. Как Таха хотел достичь такой же глубины веры и такой же любви к исламу, как у Халеда! Их дружба крепла, они были откровенны друг с другом, обменивались секретами и дружно осуждали легкомыслие иных однокурсников, привыкших к роскоши и отступивших от истинной веры, и некоторых однокурс-

ниц, которые выставляли свою красоту напоказ и приходили в университет, как на дискотеку. Халед познакомил Таху со своими друзьями из студенческого городка. Все они были добродушными провинциалами, бедными и религиозными. Таха стал заходить к ним каждую пятницу вечером, совершал с ними вечернюю молитву и оставался побеседовать и поспорить. Из этих споров он многое вынес: впервые ему открылось, что египетское общество - невежественно, не истинно мусульманское, ведь судья может отменить неприкосновенные божьи установления и запреты, а гражданский закон разрешает употреблять алкоголь, не препятствует разврату и ростовщичеству. Он узнал и о том, что социализм направлен против религии и что режимом Гамала Абдель Насера совершались чудовищные преступления в отношении Братьев-мусульман*. Вместе с приятелями он прочитал книги Абу аль-Аля аль-Маудуди, Сайида Кутуба, Юсефа аль-Карадауи и Абу Хамида аль-Газали... Прошло несколько недель.

Однажды друзья из студгородка встали, чтобы попрощаться с ним, после одного из интересных вечеров, и в дверях Халед Абдель Рахим неожиданно спросил:

- Где ты будешь молиться в пятницу, Таха?

- В небольшой мечети рядом с нашим домом...

Халед обменялся взглядом с братьями, затем бодро сообщил:

- Знаешь, Таха, я решил сделать богоугодное дело... Завтра жди меня в десять часов на площади Тахир перед кофейней «Али Баба», мы помолимся вместе в мечети Анас бен Малек. И, даст Бог, я познакомлю тебя с шейхом Шакиром...

(Продолжение следует)

* Братья-мусульмане - мусульманская радикальная религиозно-политическая организация с центром в Египте, имеющая отделения во многих арабских странах. Требуют приведения египетского законодательства в соответствие с Кораном и нормами шариата. Деятельность организации в Египте официально запрещена.